

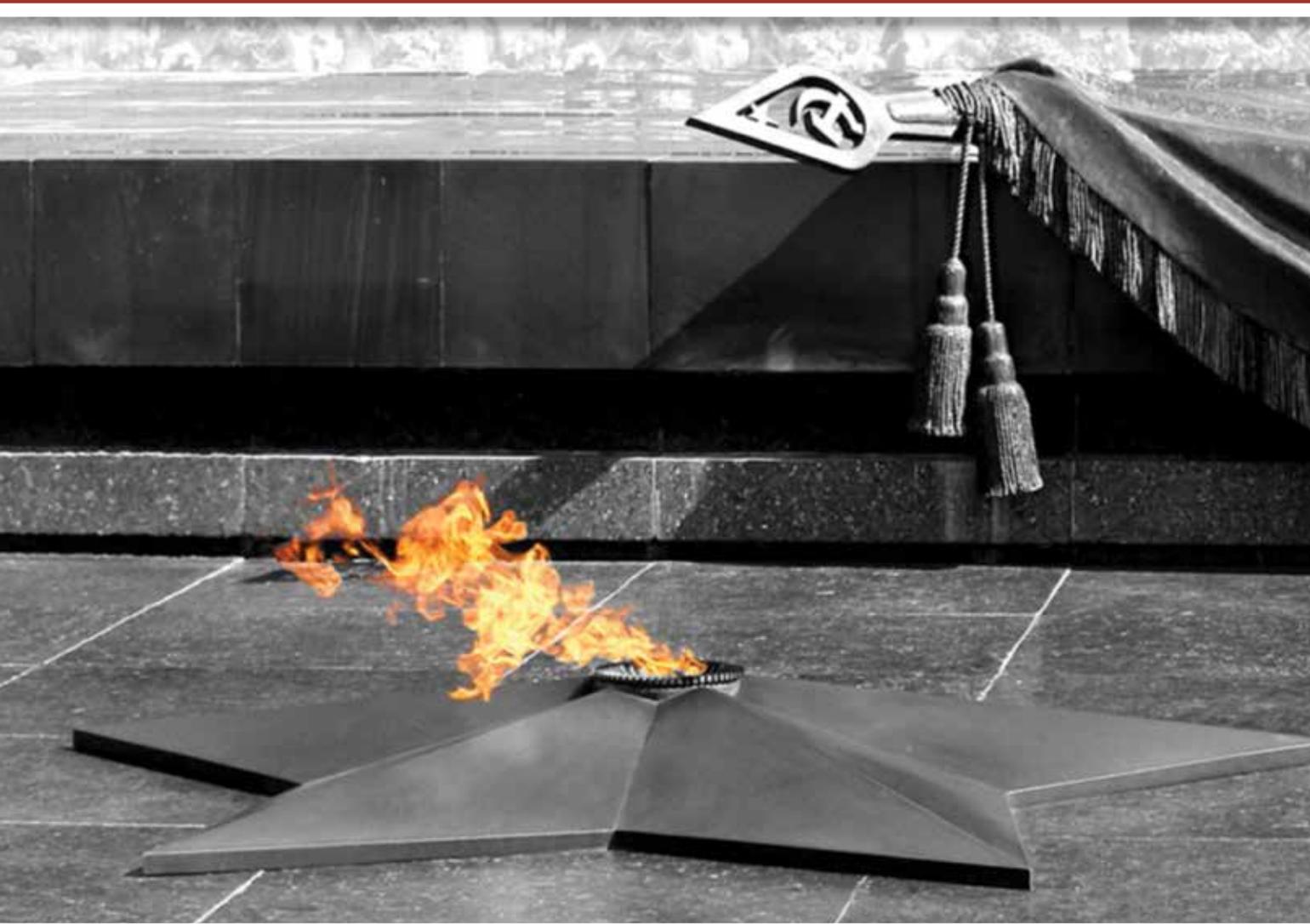
ISSN 1681-1941

апрель 27, 2015

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

НИС TUTA PERENNAT

*«Забывать тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли»*

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

НІС ТУТА РЕПЕННАТ

Двуглавый орел, держащий в лапах книгу, — герб Санкт-Петербургского университета, созданный на основе исторического герба Академии наук. Санкт-Петербургский университет является единственным вузом России, который легитимно пользуется российским орлом в своем гербе.

Надпись «Ніс тута репеннат» является девизом Университета. В переводе с латинского она означает «Здесь в безопасности пребывает».

Главный редактор:
Вера СВИРИДОВА

Заведующий редакцией:
Елена ОСИНОВСКАЯ

**Заместители
главного редактора:**
Юлия СМИРНОВА
Евгений ГОЛУБЕВ

Выпускающий редактор:
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Корреспонденты:
Екатерина КОВАЛЁВА
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Фотокорреспондент:
Михаил ВОЛКОВ

Фото на обложке:
SHUTTERSTOCK.COM

Дизайн и верстка:
Ольга ПРИВАЛОВА

Корректор:
Елизавета БЛАГОДАТОВА

Обработка фотографий:
Ольга ПРИВАЛОВА

Тираж: 600 экз.
Распространяется бесплатно

Адрес редакции:
Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21

Телефон редакции: 328 01 62

E-mail: journal@spbu.ru
URL: http://journal.spbu.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-5219 выдано 18 мая 2001 г. Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. ISSN 1681-1941.

Учредитель:
Санкт-Петербургский
государственный университет

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

При цитировании и перепечатке ссылка на журнал «Санкт-Петербургский университет» обязательна.

Рукописи и фотографии не возвращаются и не рецензируются.

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

Глубокоуважаемые ветераны, труженики тыла! Дорогие универсанты! От имени коллектива Санкт-Петербургского государственного университета тепло и сердечно поздравляю вас с нашим главным всеобщим праздником — 70-й годовщиной Великой Победы над фашистской Германией.

Победа в Великой Отечественной войне — символ национальной гордости, воинской славы и доблести нашей Родины. В то же время это бесценная история, в которую вплетены искалеченные судьбы наших близких, трагедия вечной разлуки, светлая вера и сила духа, победившие смерть.

Тысячи студентов и сотрудников Университета, не завершив учебу, прервав научные исследования, движимые общей целью победить врага, ушли на фронт, вступили в ряды народного ополчения, встали на защиту Ленинграда. Мы отдаем дань глубокого уважения и благодарности каждому, кто воевал на передовой и трудился в тылу, и бережно храним память о тех, кому не суждено было дожить до победного дня.

Вы остаетесь для нас поколением победителей, передавших нам в наследство не только восстановленную из руин страну, но и свое отношение к трудностям, мужественный характер и искреннюю любовь к жизни и к людям.

Мы ощущаем волнение и радость, когда встречаемся с вами, и испытываем гордость, глядя на ваши награды.

В этот светлый и радостный день от всей души желаю вам здоровья, долголетия и счастья!

**Ректор СПбГУ, профессор, д.ю.н.
Н. М. КРОПАЧЕВ**

7

3 Это радость со слезами на глазах
9 мая 1945 года
в воспоминаниях
универсантов

7 «Ингрия» шагает вперед
Студенческий поисковый
отряд СПбГУ отметил
15-летие

10 Медали говорят
Боевой путь Валентина
Дмитриевича Сорокина

12 Разъезжая с фронтовой бригадой
Александр Николаевич
Ласточкин о фронтовой
бригаде, созданной
его отцом

16 Дань памяти поколению победителей
Воспоминания о военном
детстве Леонида
Николаевича Москвина

20 Разведчица Оля
Невероятная судьба
бесстрашной ленинградки

12

20

16

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

«Это радость со слезами на глазах»

Автор: **Нина Наумовна ЖЕРВЭ**, заведующая научно-экспозиционным сектором Музея истории СПбГУ

8 мая 1945 года ленинградцы, как и все советские люди, узнали, что фашистская Германия капитулировала. Весть о великой Победе взволновала и обрадовала всех, кто работал и учился в Университете.

Из воспоминаний историка, секретаря парткома ЛГУ Ревекки Семеновны Мнухиной: «Уже в три часа ночи с восьмого на

девятое мая, после того, как было сообщено по радио это радостное известие, студенты, аспиранты, рабочие и служащие из университетских общежитий пришли в Университет, заполнили актовый зал, проходы, хоры. Люди обнимаются, целуются, поздравляя друг друга с победой. Такой бури восторга и ликования, такого энтузиазма не знал актовый зал Университета, кажется, никогда. На трибуну вышел ректор Университета

профессор Александр Алексеевич Вознесенский. Он поздравил собравшихся с всемирно-исторической победой, одержанной над врагом, провозгласил здравицу в честь нашей армии, советского народа, советского правительства. Бурные аплодисменты, крики „ура“, лозунги в честь Коммунистической партии, воинов и тружеников тыла раздавались во всех концах зала, на хорах. С песнями ранним утром вышли на улицу и

двинулись к Дворцовой площади.

В 10 часов утра должен был начаться общеуниверситетский митинг. Задолго до этого почти вся Менделеевская линия — от Невы до здания Библиотеки Академии наук — была заполнена народом. Студенты, профессора, преподаватели, служащие с красными стягами, лозунгами, по факультетам расположились вдоль Главного здания. Деканы, секретари партбюро факультетов, комсорги, профорги все время вместе со своими коллективами. Как радостно было видеть этот единый коллектив, эти сияющие от восторга лица, дружеские объятия, поцелуи и слезы. Звонкие песни раздавались на всей улице.

В 10 часов утра на балкон вышли профессор Александр Алексеевич Вознесенский, академик Игнатий Юлианович Крачковский, член-корреспондент АН СССР Лев Семенович Берг, члены партбюро, комитета комсомола. Мне поручено было открыть митинг. В своем выступлении я говорила о том, что советский народ войны не хотел, ее нам навязали. Было много тяжелых испытаний. Дорогой ценой досталась нам победа.

Затем выступил ректор Университета. Александр Алексеевич был прирожденным оратором. Стоя на трибуне, он был радостно возбужден, видя перед собой необозримую массу народа, охваченную высоким подъемом. На всю площадь прозвучали его слова: „46 месяцев величайших битв, кровопролитных сражений, героических подвигов Красной Армии на фронте, героического труда советских тружеников в тылу, 46 месяцев величайшей эпопеи Отечественной войны увенчались апофеозом. Мы гордимся тем, что являемся сынами нашей могучей и прекрасной Родины. Слава

**РЕБЕККА СЕМЕНОВНА
МНУХИНА (1909–1990)**

Историк. Родилась на станции Починок Смоленского уезда и губернии. Окончила девятилетку в 1924 году. Член ВЛКСМ с 1922 года. Начала трудовую деятельность в 1925 году, работая педагогом в школах 1-й ступени в Вяземском уезде. В 1928 году переехала в Ленинград, до 1931 года работала на заводе им. Козицкого сверловщицей, фрезеровщицей, была секретарем цеховой ячейки. В 1931–1933 годах работала в Василеостровском райкоме комсомола, вступила в ВКП(б). В 1934 поступила на исторический факультет ЛГУ. Окончила Университет в 1939 году, поступила в аспирантуру. В 1941–1942, 1944–1945 годах секретарь парткома ЛГУ. Впоследствии доцент ЛГУ, автор курса источниковедения новой и новейшей истории, работ по истории международных отношений в начале XX века.

нашему великому русскому советскому народу!“

Студент юридического факультета Мелетий Олегович Малышев, в дни войны герой — чекист, сражавшийся в тылу врага, сказал: „Тяжелые дни пережиты. Враг глумился над нами... Но сейчас засияло солнце победы. Слава советскому народу! Слава Коммунистической партии!“

Трогательными были идущие от всего сердца слова члена-корреспондента АН СССР Льва Семеновича Берга:

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

**ТАТЬЯНА СТЕПАНОВНА
ФАДЕЕВА (Р. 1920)**

Биолог. Родилась в деревне Ивановско Чудовского района Новгородской области. Поступила в ЛГУ в 1938 году. В июне 1941 года участвовала в оборонных работах по сооружению противотанковых рвов в районе Старого Петергофа. Затем сандружинница. В октябре 1941 года окончила курсы медсестер при Университете. В ноябре 1941 — марте 1942 работала медсестрой в стационаре для больных дистрофией, размещенном в главном здании Университета. Участвовала в организации стационара. Окончила биологический факультет в 1942 году, в 1943 году поступила в аспирантуру. После возвращения Университета в Ленинград в мае 1944 года участвовала в восстановительных работах. С 1948 года ассистент, затем доцент, профессор ЛГУ (кафедра генетики и селекции). Доктор биологических наук (1968), автор научных работ, в том числе по сравнительной генетике растений. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

„Не нахожу слов, хочется плакать от счастья, дорогие мои друзья. Тысячу раз целую вас, миллионы раз обнимаю вас!“

По окончании митинга его участники дружно исполнили Гимн Советского Союза и „Интернационал“,

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

ФОТО: АХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

**НИНА МИХАЙЛОВНА
БОРОДИНА (СОКОЛОВА)
(Р. 1925)**

Родилась в селе Чистые Лужи Ветковского района Гомельской области. В начале Великой Отечественной войны эвакуировалась с семьей в село Красовку Саратовской области, где работала учетчиком транспортной бригады в колхозе. В 1944 году окончила 10 классов и поступила в ЛГУ. В 1949 году окончила Университет по специальности «Тюркская филология». Стала женой военного, преподавала в школах. В последние десятилетия живет в Белоруссии.

еще долго набережная Невы и Менделеевская линия, большой университетский коридор были во власти торжествующего студенчества.

В тот же день, 9 мая 1945 года, делегация Университета пришла на Смоленское кладбище и возложила венки на братскую могилу, где были погребены жертвы войны и блокады. На траурной ленте было написано: „Вечная память героям — ленинградцам, верным сынам советского народа“.

Вот отрывок из дневника 1945 года студентки ЛГУ Нины Михайловны Бородиной (Соколовой): «Вот пришел радостный день, который был раньше только в мечтах. В 3 ч. утра комендантша подняла на ноги все общежитие, и мы бросились на митинг в Актный зал. Рано, но на улице светло. В зале было полным-полно студентов, и от радости все

бесились долгое время. После доклада ректора ребята стащили его с трибуны и начали качать. В бурном ликовании окончился митинг, и мы отправились на Невский, который был переполнен народом. Всюду развевались флаги, слышались песни, радостные восклицания и смех. А вечером было массовое гуляние на набережной и площади Урицкого. Там были танцы, и артисты, и кино. Но самое красивое — это фейерверк. Это было точно в сказке. Нева отражала разноцветные ракеты, и в этом была ее большая прелесть. Конец гулянья окончился танцами (общими), и в 1 ч. ночи мы пришли...»

Из воспоминаний секретаря комитета ВЛКСМ ЛГУ Николая Николаевича Фирсова: «Известие о победе пришло ночью. И вот в середине ночи студенты,

преподаватели, сотрудники пришли в актовом зал ЛГУ. Этот ночной митинг я буду вспоминать всегда. Какой подъем царил среди присутствовавших: слезы радости и горечь невыразимых утрат — все слилось воедино. Я не помню, кто выступал на митинге, но выступления эти запомнились на всю жизнь.

А днем 9 мая на Менделеевской линии состоялся большой митинг студентов и сотрудников Университета...»

Из воспоминаний биолога Татьяны Степановны Фадеевой: «Особенно памятные дни 8 и 9 мая 1945 года. Помню те два дня не только по часам, но по минутам, помню напряжение ожидания — когда же?

8-го пришла на работу на кафедру ботаники, но за микроскопом сидеть не могла. Решила ехать в Публичку,

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

ФОТО: АРХИВ МУЗЕЯ ИСТОРИИ СПбГУ

поехали туда с Зинаидой Сибиной (мы ведь опять жили вместе на 5-й линии, дом 42). Взяли книги, но читали только свои мысли о том, когда же? ...Пошли к Анне Васильевне Филипченко (матери погибшего Степана Филипченко). Анна Васильевна и Елена Моисеевна Соловейчик работали в Публичке и в тяжелые времена блокады там же и жили. Мы сидели в их жилой комнате у радио. Говорили... молча, намеками, взглядами. Все-таки тянуло на улицу. На Невском напротив — репродуктор, у репродуктора большая толпа. Невский заполнен народом — стоят у репродукторов, ходят, все ждут... Погода чудесная, стало тепло как летом, солнце. Все ждут... Того, что все ожидали, 8-го мы не услышали. Ложась спать, радио не выключали. И вот в 3 или 4 часа утра (точно не помню, а смотреть по литературе не хочу) радио оживило, радио сообщило: „Подписан Акт о безоговорочной капитуляции...“ Победа!

Сразу на 7-ой линии в д. 42 все комнаты оживили, из комнат выходили люди, уже одетые, и бежали... Куда? В Университет, в Актный зал. Прибежали мы, было уже светло, в Актном зале полно народу. Здесь же был уже и Александр

Алексеевич Вознесенский. Все говорят громко, возбужденно, радостно. Открывали кто-нибудь митинг, не

**НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
ФИРСОВ (Р. 1920)**

Родился в Петрограде. В 1938 году поступил в ЛГУ. В первые дни войны ушел добровольцем в РККА, воевал в должности замполитрука роты. В сентябре 1941 года был тяжело ранен в боях под Гатчиной. В мае 1942 года был демобилизован по инвалидности, продолжил учебу на четвертом курсе географического факультета ЛГУ в Саратове. Был лектором горкома ВЛКСМ, вел пропагандистскую работу. Окончил ЛГУ в 1944 году по специальности «Экономическая география». В 1944–1946 годах — секретарь комитета ВЛКСМ ЛГУ. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Трудового Красного Знамени.

Все собрались у Главного здания Университета перед главным входом...
9 мая 1945 года

помню, но митинг шел, стали выходить на трибуну, говорить, их приветствовали, ликовали. Прорвалось напряжение первого момента искренней открытой радостью ликования.

Только немного стало стихать, как настало время широкого официального митинга. Мы вышли на улицу, все собрались у Главного здания Университета перед главным входом. Ведущие митинг — ректор Александр Алексеевич Вознесенский, секретарь парткома Ревекка Семеновна Мнухина и другие — вышли на балкон, над главным входом. Начался митинг. Ликование продолжалось.

Я чувствовала, что моя бурная радость уже сменяется усталостью от напряжения. Когда митинг закончился, мы еще тихо посидели вместе, пообедали нашим убогим „обедом“ в „восьмерке“ и разошлись по домам... На салют я уже не пошла. Нужно было в одиночестве суметь заставить себя соединить радость Победы с тяжелыми утратами.

Что можно сегодня добавить к этим взволнованным строчкам воспоминаний очевидцев Дня Победы в Университете! Они перекликаются, даже порой повторяют друг друга, но именно живые голоса тех, кто встречал этот праздник в Актном зале и на Менделеевской линии, так важны нам сегодня, спустя 70 лет! Ведь именно они приближали своим трудом и подвигами этот день. Именно для них это был праздник со слезами на глазах и радостью, переполнявшей сердца!

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

«ИНГРИЯ» ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ

Автор: **Евгений Васильевич ИЛЬИН**, командир поискового отряда «Ингрия», доцент СПбГУ (кафедра истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах), к. и. н.

27 марта наш отряд отметил свое пятнадцатилетие. За это время проведены 43 поисковые экспедиции, десятки разведывательных выездов на места боев общей продолжительностью около 900 дней.

В этой «войне после войны» за память погибших защитников Отечества обнаружены останки 2 627 бойцов и командиров Красной Армии, не вышедших из

последнего боя, оставшихся на своих последних рубежах. Все военнослужащие Красной Армии, обнаруженные в ходе поисковых работ, с воинскими почестями погребены на воинских мемориалах.

Весенняя Вахта Памяти традиционно начинается в конце апреля. В этом году одна из поисковых групп отряда будет работать в районе платформы Русановская. Именно там мы 21 декабря 2014 года завершили прошлогодний поисковый сезон. В районе Русановской

проходили рубежи обороны 54-й отдельной армии, частей Ленинградского и Волховского фронтов, откуда начинались все операции Красной Армии на мгинском направлении в 1941–1943 годах, целью которых являлся прорыв сухопутной блокады Ленинграда. Этот лесисто-болотистый район, вытянувшийся на 1,5–2 км в сторону бывшей деревни Тортолово, в 70–90-е годы прошлого века был изрядно «подвыбит» поисковиками, «любителями» раритетов времен войны. Несмотря на это, ре-

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

шили провести здесь более тщательное обследование, и 9 марта 2014 года здесь была проведена первая разведка, потом еще шесть, в ходе которых удалось обнаружить останки 10 военнослужащих Красной Армии.

Работа Центра по изучению военной истории, составной частью которого является и отряд «Ингрия», держится и развивается на инициативе, энтузиазме бойцов отряда. Зимой и весной, до начала поискового сезона, мы проводим немного выездов на места боев. Наши усилия направлены на военно-патриотическое воспитание учащейся молодежи, прежде всего университетской. С момента образования Центра в 2003 году эта работа носит систематический и планомерный характер. Организация и проведение выставок в стенах Университета и вне его занимают заметное место в деятельности центра. 27 января в Таврическом дворце, в штаб-квартире Межпарламентской ассамблеи СНГ, нами открыта вы-

ставка «Подвиг Ленинграда», основу которой составили артефакты времен войны, обнаруженные отрядом в ходе 43 полевых поисковых экспедиций. Впервые мы получили возможность провести такую масштабную выставку, на которой представлены 405 наименований экспонатов, отражающие разные стороны жизни солдата на войне. Руководство МПА СНГ планирует в мае этого года показать ее в столицах Содружества Независимых Государств.

Большой популярностью в студенческой среде пользуются лыжные походы по местам боевой славы Кировского района Ленинградской области. Начало им было положено в начале 2000-х годов. Сегодня они стали неотъемлемой частью нашей деятельности и регулярно проводятся в январе и феврале каждый год. В двух последних (23-м и 24-м) лыжных походах приняли участие 262 человека. Впервые в этом году мы взяли в поход 30 учащихся школ не только Ленинградской

Участники традиционного лыжного похода

области и Санкт-Петербурга, но и школьников из Беларуси (учащихся гимназии имени Е. Ф. Карского города Гродно). Специально для учащихся школ был разработан пятикилометровый маршрут. Все участники лыжного похода успешно дошли до финиша.

Не осталась в стороне и экскурсионная деятельность. Экскурсии проводятся наиболее подготовленными бойцами отряда «Ингрия» с выездом на места сражений Великой Отечественной войны, как правило, в Кировский район Ленинградской области.

Не забыты и другие знаковые события, которые происходили в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Для студентов Университета регулярно проводятся экскурсии в Усть-Ижору на место Невской битвы, где новго-

Знак «Отличник санитарной службы», обнаруженный во время Вахты Памяти

родский князь Александр Ярославович нанес поражение шведским рыцарям в 1240 году, а также в Мемориальном музее А. В. Суворова, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Военно-медицинский музей, Музей истории СПбГУ и другие. Все экскурсии охотно посещаются студентами.

Уже в течение трех лет мы проводим акцию, получившую в отряде название «Операция „Звезда“». Так уж получилось, что 12-километровый рубеж обороны Волховского фронта, вытянувшийся от рожи «Круглой» до урочища Вороново, сыгравший исключительно важную роль в битве за Ленинград, в период создания «Зеленого пояса Славы» оказался забыт. Благодаря усилиям и настойчивости ветеранов и энтузиастов в мае 1982 года правительство РСФСР приняло решение о создании здесь мемориального военно-исторического комплекса, который охватывал территорию в 300 квадратных километров. Однако работа в этом направлении, не успев начаться, заглохла. Мемориализация этих мест тогда же, в 1980-е годы, стала проводиться ветеранами, энтузиастами и поисковиками. Сегодня этот уникальный памятник под открытым небом насчитывает 19 братских захоронений, стел, обелисков, других мемориальных знаков.

Однако за два с лишним десятилетия памятники Мемориальной зоны обветшали и стали производить очень жалкое впечатление... Было стыдно перед студентами, ветеранами, их

ФОТО: АРХИВ ПОИСКОВОГО ОТРЯДА «ИНГРИЯ»

родственниками... Сегодня благодаря систематической работе бойцов отряда, студентов-добровольцев Университета и школьников эти судьбоносные для Ленинграда места преобразились. Все 19 памятников, образующие уникальный комплекс, приобрели должный вид и выглядят вполне достойно.

Долгие годы у этого памятника федерального значения не было хозяина. Поэтому здесь периодически вспыхивали скандалы, связанные с попытками возведения на его территории разного рода промышленных объектов: свалок, карьеров... Здесь тоже пришлось вести войну, растянувшуюся на годы, за его

сохранение. Наши усилия дали первый результат. В феврале 2015 года комитет по культуре правительства Ленинградской области представил проект Достопамятного места «Рубежи Ленинградского и Волховского фронтов в зоне боев по прорыву блокады Ленинграда 1941–1944 годов». Таким образом, появился шанс уже к семидесятилетию Победы в Великой Отечественной войне превратить его в реальность. Полагаем, сохранение этого уникального памятника под открытым небом будет лучшей памятью десяткам тысяч бойцов и командиров, ценою своих жизней защитивших наш любимый город.

Медали говорят

Автор: **Олег Викторович АНИСИМОВ**, к. и. н., библиотекарь отраслевого отдела по направлению «Юриспруденция» Научной библиотеки им. М. Горького

За каждой боевой наградой, медалью или орденом стоят мужество, доблесть, бесстрашие, боевое мастерство Солдата. Об этом иногда можно узнать только из скупых строк наградных документов, сохранившихся в архивах. Но особенно драгоценны рассказы самих героев войны о давних теперь событиях.

Валентин Дмитриевич Сорокин (1924–2006) — доктор юридических наук, профессор Ленинградского государственного университета, заслуженный деятель науки и фронтовик. Восемнадцатилетним в грозном 1942 году он был призван в Красную Армию. Его боевые медали красноречиво рассказывают о славном боевом пути простого солдата: «За оборону Кавказа», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда»... Дважды Валентин Дмитриевич Сорокин был награжден самой высокой военной медалью — «За отвагу». Он был участником боев за Кавказ, Кубань, Молдавию, освобождал Болгарию и Югославию. Победный май 1945 года его полк встретил в окрестностях Братиславы. О военных буднях он вспоминал во «Фрагментах автобиографии» (В. Д. Сорокин. Избранные труды. СПб., 2005).

Часть своих воспоминаний Валентин Дмитриевич называл «протокольными»: «К середине лета 1942 года немецко-фашистские войска оказались в предгорьях Северного Кавказа, преодолев за год войны несколько тысяч километров от нашей

западной границы. 27 июля 1942 года Пятигорский горвоенкомат призвал меня в армию и наспех сформированную группу призывников просто чудом смог переправить последним поездом из Минеральных Вод в Северную Осетию, в столице которой располагалось пехотное училище. Не успели оглядеться на новом месте, как пришлось срочно эвакуироваться по Военно-Грузинской дороге в Тбилиси. Эту дорогу протяженностью 210 километров пешком одолели за девять суток! Учеба в Тбилиси тоже не заладилась, ибо очень скоро вспыхнула эпидемия дизентерии.

В ноябре 1942 года, выйдя из госпиталя, был зачислен вторым наводчиком в третью батарею 740-го зенитного артиллерийского полка, который находился

в Орджоникидзе и участвовал в обороне города. В этом полку я провоевал до конца войны, дослужившись до звания старшего сержанта, командира орудия».

Свою первую боевую награду, медаль «За боевые заслуги», Валентин Дмитриевич Сорокин получил за бои на Северном Кавказе. Он так рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Это случилось 19 февраля 1943 года на станции Гулькевичи Северо-Кавказской железной дороги. Здесь заканчивалась восстановленная часть железнодорожной магистрали, по которой на подъездные пути прибывали эшелоны, в том числе с горючим для частей нашего фронта.

Наша батарея 37-мм зенитных орудий расположилась на небольшой пристанционной площадке... Погода совершенно нелетная: тяжелые низкие облака исключали всякую возможность появления самолетов противника. Поэтому орудия первого взвода проходили профилактику, им меняли стволы, а орудия второго взвода (я был вторым наводчиком третьего орудия) находились на боевом дежурстве... В этом гае дежурный дальномерщик услышал звук немецкого самолета. Без труда определили: средний бомбардировщик Ю-88. Самолет, не показываясь, над облаками прошел на юг вдоль железной дороги, и все затихло... На земле началась суматоха: жители домов,

Профессор ЛГУ Валентин Дмитриевич СОРОКИН, заслуженный деятель науки и фронтовик. 1964 год

ФОТО: АРХИВ ОТРАСЛЕВОГО ОТДЕЛА ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

на колонны наших войск. Орудие Сорокина сбило 5 вражеских самолетов». Такие характеристики были даны командованием в наградных листах. За этими скупыми и стандартными словами — мужество солдата, установившего точный прицел зенитки не в учебном классе, не на полигоне, а под бомбежкой и артобстрелом.

Интересны воспоминания Валентина Дмитриевича Сорокина об освобождении Белграда. «Наш полк в составе 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса прорывается к столице Югославии Белграду. Отдан строжайший приказ: тяжелого оружия не применять, чтобы по возможности сохранить город! На подступах к Белграду наши части соединились с югославскими партизанами, подразделения которых командовал генерал Пеко Дапчевич. Для боев в городе были сформированы штурмовые группы: два танка Т-34, при каждом танке — отделение автоматчиков, две наши зенитки, а также рота югославских партизан. Между каждым подразделением было метров 30-40.

Продвигаясь по улицам Белграда, наша штурмовая группа встретила ожесточенное сопротивление эсэсовского отряда, засевшего за массивными стенами средневекового здания. Глубокая ночь. Бой затих. С той стороны, где стояли танки, послышался шум шагов довольно большой группы людей. На окрик танкистов: «Стой! Кто идет?» — послышался ответ на ломаном русском языке: «Свои, братушки, партизаны». Через несколько минут

окружавших площадь, кинулись прятаться по щелям, водители бензовозов поспешили спрятаться под цистернами. Через несколько минут с юга вновь послышался звук мотора, и тут же из-под облаков вынырнул черный Ю-88. Он летел низко над путями, проводя фотосъемку. По команде комбата наше третье орудие выпустило длинную очередь — восемь трассирующих снарядов, которые через мгновение буквально вонзились в самолет. Машина вспыхнула и стала разваливаться. Было хорошо видно, как от горящего самолета отделились четыре фигуры. Но парашют раскрылся только у одного. < ... > За эту стрельбу я был награжден медалью „За боевые заслуги“. Мне тогда было 19 лет».

В августе – октябре 1944 года в боях на территории Румынии и Сербии Валентин Сорокин героически проявил себя на посту наводчика и заслужил две медали «За отвагу». «Невзирая на артиллерийский огонь, точной установкой входных данных на прицеле обеспечил уничтожение двух противотанковых пушек противника с расчетами, чем способствовал продвижению наших танков»; «точной установкой прицела на орудии обеспечил успешное отражение налета вражеской авиации

группа, идущая в строю, поравнялась с нашими пушками. Проходившие мимо люди были одеты кое-как, вооружены как попало, некоторые по внешним признакам были ранены.

Группа последовала дальше по улице и наткнулась на роту югославских партизан. Немедленно вспыхнула ожесточенная перестрелка, и вскоре группа была полностью обезврежена. Оставшиеся в живых были взяты в плен. Оказалось, что в роли югославских партизан были переодетые немцы, а представлялись партизанами находившиеся среди них местные усташи, сотрудничающие с немецкими оккупантами. Вот так: не будь с нами югославских партизан, дело для нас могло закончиться весьма печально».

Валентин Дмитриевич Сорокин демобилизовался в звании старшего сержанта, поступил в Ленинградский юридический институт и окончил его в 1950 году. Он остался преподавать в институте, а с 1954 года, с присоединением ЛЮИ к ЛГУ, работал на кафедре государственного и административного права. Им написаны многие десятки научных работ, воспитано множество студентов и аспирантов. Именно Валентин Дмитриевич Сорокин первым в стране выдвинул идею «административного процесса», которая вначале была воспринята с большим скепсисом, а сейчас получила полное признание, завершившееся принятием в 2015 году Кодекса административного судопроизводства РФ. В Университете профессор Валентин Дмитриевич Сорокин работал до 1976 года, затем преподавал в Ленинградской высшей партийной школе, Санкт-Петербургском университете МВД России, Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов.

Валентин Дмитриевич Сорокин дважды был награжден медалью «За отвагу»

22 ИЮНЯ 1941 – 9 МАЯ 1945

В специальном выпуске журнала «Санкт-Петербургский университет» от 27 января 2015 года была опубликована первая часть моих детских воспоминаний о блокаде. Представляю на суд читателей вторую часть моего рассказа, посвященную уже 1943–1945 годам, а также рисунки моего отца, театрального художника Николая Александровича Ласточкина, сделанные в блокадном Ленинграде.

В 1943 году отец из оставшихся в живых знакомых артистов собрал концертную фронтную бригаду. Она частично была создана, еще пока мы жили на станции Ефимовской под Тихвином, а окончательно сформировалась в результате нашего переезда в Ленинград. Уже через какие-то два месяца бригада начала выезжать во флотские экипажи, на военные аэродромы, в большие воинские соединения в Ленинграде и южнее его. Я помню Псков, Изборск, Старую Руссу, Новгород, который сейчас справедливо назван Великим. Актеры сами писали тексты, сочиняли музыку и воспроизводили это на сцене под руководством отца. Некий опыт режиссерской деятельности у него сохранился с довоенных времен, с учебы в театрально-художественном институте.

До приезда моей бабушки меня оставить было не с кем, и я в качестве равноправного члена фронтной концертной бригады ездил со всеми на поездах и грузовиках, в телегах и санях. Среди автомобилей на меня особое впечатление производили не американские мощные «Студебеккеры», а наши ЗИС-5 с газогенераторными слабыми двигателями и цилиндрическими железными

печками, расположенными по обе стороны от кабины. Питались они деревянными чурками. Не будучи технарем, я так до сих пор и не понимаю, на каком принципе эти чудо-механизмы, распространяя искры, дым и грохот, перемещались в прифронтном пространстве, обогревая водителей и пассажиров. Тут, судя по всему, как-то сугубо русская тепловая энергия превращалась в сугубо русскую механическую. Я видел собственными детскими глазами, как энергия в огромном количестве выделялась русскими, как бы подумал немец, «проста так», когда под гармонь или баян (а не под какую-то слюнявую губную гармошку — какая тут энергия!) яростно плясали в валенках и сапогах около теплушек, танков и самолетов, на палубах военных катеров и кораблей, барж и транспортных судов. У каждого так много было энергии, что они делились ею с другими даже тогда, когда завтра эта энергия ой как понадобилась бы в бою. Да и с харчами, как всегда, было скудно. Нет, не просто так эта энергия распределялась по собравшимся на обезображенных войной перронах, пристанях и площадях. С ней выходили накопившиеся за войну лишнее зло и лишняя ненависть.

В постоянно разъезжающей фронтной бригаде я не только отрабатывал свой хлеб, но и своим присутствием существенно увеличивал калорийность еды остальных членов бригады. Концерты воинские части заказывали себе по торжественным случаям. Они проходили перед праздничными застольями. После окончания концерта и обычно бурных оваций из-за импровизированных кулис или со сцены, собранной из ящиков из-под снарядов, хитрые актрисы выпускали меня, надев на меня

головной убор. До этого они снабжали меня мешочком или сумкой, но, заподозрив очевидное лихоимство, отец отбирал эти емкости с криками: «Не делайте из моего сына побирушку!» Я ничего не изображал, просто ходил между столов, рассматривал и трогал ордена и медали добрых и уже выпивших дядей офицеров. Вероятно, на них производили сильное впечатление мой маленький рост, блокадная худоба, сине-зеленые сопли под носом и весьма потрепанный вид, да и само мое появление в прифронтной полосе. Конечно, офицеры вспоминали своих детишек или братьев и, умиленные, подзывали меня и давали бутерброды с сыром, колбасой, иногда даже с красной рыбой и икрой, шоколад, конфеты. Такие праздники готовились военными тыловиками загодя, и они демонстрировали начальствующему составу свое умение угостить, доставали трофейные лакомства. Я сначала брал все предлагаемое в свои ручки, но они были слишком маленькими для таких изобильных подношений. Тогда кто-нибудь из офицеров догадывался, снимал с меня головной убор и наполнял его. На то этот убор и был рассчитан. Отец возмущался, но поборошь хитрость и меркантилизм преобладающего по численности женского состава бригады был не в силах. Сначала он, ворча «на этих баб», куда-нибудь уходил после концерта. Потом, правда, присоединялся к праздничному угощению.

Я же не видел в этом ничего плохого. Наоборот, мне нравилось общаться с добрыми дядями, сидеть у них на коленях, тихонько брэнчать их орденами и медалями. А потом приносить все собранное членам нашей послеблокадной бригады. Тогда и для них начинался праздник. Вслед за мной

РИСУНОК Н. А. ЛАСТОЧКИНА

Разъезжая с фронтной бригадой

ЛЕНИНГРАД, 8 СЕНТЯБРЯ 1941 г.

ПЕРВАЯ БОМБЕЖКА -

Автор: **Александр Николаевич ЛАСТОЧКИН**,
Почетный профессор СПбГУ (кафедра геоморфологии), д. г.-м.н.

наиболее изголодавшиеся по общению с женщинами офицеры проникали за кулисы с бутылками трофейного вина, и праздник разгорался. Родители, увозя меня в другую комнату или закуток на сцене, давали мне из принесенного мною изобилия немного поесть, укладывали на отцовскую шубу и накрывали ею же в ящичке из-под декораций, где я, сытый, с чувством выполнения долга засыпал, несмотря на шум, гам, табачный дым и музыку. Мама рассказывала, что многие офицеры просили ее и отца показать меня спящего, а потом тихо уходили, вытирая глаза, наверное, вспоминая своих родных, давно не виденных ребятишек.

Немец отступал. Фронт откатывался на запад, как отступает снежный покров весной, обнажая «подснежники» — все то страшное, что фашист успел сотворить с нашей землей и нашими людьми. Я много видел того, что детям видеть категорически нельзя. Мама говорила, что глаза мои тогда становились неестественно большими и круглыми. Они уставали от виденного и нередко закрывались сами, даже когда я не спал. Много из того, что ими выхватывалось из окружающего мира, несмотря на мои бесконечные вопросы, отец и мать мне не объясняли; да и все это было необъяснимо. Я постепенно вращался в свой неевропейский народ, в свое русское отечество: в наши разбитые города, сожженные деревни, голодных и изуродованных физически и морально людей. Армия вступила на территорию рейха, и по радио все чаще стали говорить о гуманном отношении к побежденным, о жестких наказаниях за их убийства, побои, изнасилования и грабежи со стороны наших солдат. Эти призывы вызывали частые истерики женщин, потерявших

детей и родных, и взрывы ругани и угроз мужчин, особенно уволенных из армии инвалидов. Позже, сразу после войны, я видел и чувствовал, как от всего этого русские люди устали, как их ненависть постепенно замещалась жалостью по отношению к потрепанным, худым пленным фрицам. В этой смене отношения к побежденным вперед выступали дети (в том числе и я), которые воровали дома картошку или кусочки хлеба, чтобы тихонько от взрослых передать их несчастным пленным.

В крупных населенных пунктах, где чудом сохранились какие-то подобия полуразрушенных клубов и просто просторные помещения, организовывались сводные концерты фронтовых бригад не только для военных, но и для гражданских, вышедших из-под оккупации. Разбитые окна, разрушенные стены и потолки закрывались парашютным шелком, забивались нестрогаными досками. Люди сначала робко, не веря в то, что они дожили до похода в театр, потом все смелее входили в эти холодные «залы» и садились на скамейки, а то и просто на пол, не снимая телогреек и поношенных шуб. Все концерты работали на войну: они носили сугубо агитационный и лирический характер. Показывали маленького уродливого Гитлера с усиками и большого красивого русского солдата, который чаще всего почему-то топором убивал фюрера. Все это сопровождалось неким текстом. Потом шли песни про синий платочек, землянку, Катюшу... Никто не был в обиде за качество литературы, и взрослые дяди и тети, как дети, бешено аплодировали каждому падению маленького и смешного Гитлера, каждой песне под баян. Чем чаще убивали фюрера и больше пели, тем лучше считался

концерт. Актеры еле-еле дотягивали до конца и, очолевшие от холода, тут же, не сходя со сцены, надевали на себя верхнюю одежду, сразу же сливаясь в одну массу со зрителями. Некоторые военные вскакивали на сцену и предлагали глотнуть из своих фляг спирта. За такие концерты моим родителям выдавали 1–2 буханки хлеба, бумажный пакетик перловки, а для меня — самое мое любимое военное лакомство, дуранду (жмых от подсолнечника).

Я, неоднократно видевший каждый номер, выбирал на улице что-нибудь из многочисленной разбитой и сожженной техники: автомобиль, танк, пушку. Забирался на него или по возможности внутрь, отодвигал останки еще не убранных убитых (наших или немцев) и начинал с сильно обогащенной детской фантазией стрелять, убивать и давить противников, мчаться в Берлин, чтобы быстрее кончилась эта проклятая война. Много лет спустя, будучи командированным в Восточный Берлин (в Центральный геологический институт) как раз в то время, когда там снимался фильм «Семнадцать мгновений весны», я часто встречался с одетыми в немецкую форму нашими актерами со «шмайсерами» в руках. Были и другие встречи — с немецкими полицейскими, когда я возвращался поздно вечером пешком практически в полной темноте (экономия электричества) из клуба советского посольства в центр города и наткнулся на фонарик, настоящий «шмайсер» и жесткий приказ: «Аусвайс битте». Каждый раз дыхание мое останавливалось. Я вынужден был немного молча постоять, унять волнение и мою вскипающую память, и только потом доставал свой «молоткастый и серпастый», слышал вежли-

РИСУНОК Н. А. ЛАСТОЧКИНА

вое-вежливое «данке». В эти моменты мою вежливость что-то заклинивало, и полицейский патруль так и не слышал от меня обязательного в этой культурной стране ответа.

По работе я изъездил всю Восточную Германию (в границах ГДР), работал на знаменитых Зееловских высотах, где самые молодые рыхлые осадки в основном состояли из железа. По крайней мере, магнитное поле их, «унавоженное» остатками немецкого и отечественного оружия, по своей интенсивности было похоже на естественное магнитное поле траппов в Восточной Сибири. Будучи командированным на полгода, я выполнил свое задание за 4,5 месяца, защитил на отлично отчет в присутствии министра геологии Восточной Германии и тут же уехал домой. Остро чувствовал тяжесть чужой земли, проезжая на восток не только по Германии, но и по восстановленной нами Польше и особенно Вар-

шаве, где в стекла нашего поезда «Берлин — Москва» летели камни и ругательства.

От войны у меня остались забавные, хотя и грустные особенности. До работ в экспедициях я не мог есть стуженное молоко, так как на одном из концертов военные, не подумав, дали мне, блокадному дистрофику, полную банку этого лакомства. Родители недосмотрели. Я слопал эту банку в один присест, и потом со мной творилось нечто ужасное. Хорошо, что рядом оказался медпункт, который меня спас от верной и не очень красивой смерти. С того случая я на эти банки даже смотреть не мог. Но в экспедициях жизнь заставляла меня есть все, в том числе, конечно, и стуженку. Даже языком слизывать ее прямо с камней на речной косе. Туда банки были выброшены с самолета без должной упаковки и все разбились.

До сих пор поедание первого блюда в обед у меня

«...Я, сытый, с чувством выполненного долга засыпал, несмотря на шум, гам, табачный дым и музыку»

состоит из двух стадий. Сначала я ем жидкую составляющую супа, а лишь затем — более сытную твердую субстанцию. Моя покойная сестра, у которой я всегда останавливался в Москве, возвращаясь из командировок и полевых работ, всегда доливала мне жидкую часть супа, приговаривая: «Ах ты, мой блокадничек, так и не научился есть суп». Да, дожив до 75 лет, я по-прежнему ем его в два приема. Но зато я познал другое, самое важное: до сих пор я чувствую и, думаю, до конца жизни моей буду чувствовать себя неотделимым от всех простых и добрых русских людей, от нашей горькой и родной земли, краше которой (даже той, израненной, какой она была в послевоенное время) не сыщешь на всем белом свете.

Дань памяти поколению победителей

Автор: **Леонид Николаевич МОСКВИН**, почетный профессор СПбГУ, заведующий кафедрой аналитической химии, д. х. н.

Приближается 70-летие со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Пытаясь найти в своей памяти этот знаменательный день, я невольно перебираю все воспоминания своего военного детства. В них трудно разделить свои собственные воспоминания и воспоминания, ставшие собственными по рассказам близких тебе людей, которые были рядом в то трудное время.

Первые отчетливые воспоминания приводят меня на улицу Куйбышева, где около райвоенкомата мы: я, мой старший брат и мама — провожаем на фронт отца. В памяти осталось чувство полета в небо. Отец (как

всегда в минуты проявления наибольшей любви и нежности, что я понял, когда уже сам стал отцом), взяв меня под мышки, кидает высоко вверх. Это чувство полета возвращается ко мне и сегодня, когда я проезжаю по улице Куйбышева. И это все, что осталось в моей памяти об отце.

Как мы оказались в блокаде, я помню по первой попытке эвакуации. Эвакуировались школами. Поскольку моя мама была учителем в той же школе, где учились мы с братом, в эвакуацию мы отправились все вместе. Мы погрузились в поезд и поехали, но наша поездка длилась не долго. Где-то в районе Мги мы попали под бомбежку, которая для нас закончилась благополучно. Но поезд дальше не пошел, так как получили

сообщение, что железная дорога на Москву перерезана фашистскими войсками. Поезд повернул обратно. Мы вернулись в наш дом на Петроградской стороне.

Первые блокадные месяцы запомнились постоянными воздушными тревогами и следовавшими за ними бомбежками. До сих пор, если я слышу звук сирены, меня охватывает невольный испуг. А в воспоминаниях тех лет предстает бомбоубежище в подвале большого соседнего дома №16 по Малой Посадской улице, почему-то всегда заполненное к нашему появлению так, что было трудно найти свободное место. Наверное, скорость передвижения нашего семейства со мной и бабушкой была очень ограниченной. От времени пребывания в бомбоубежи-

ФОТО: ЛИЧНЫЙ АРХИВ Л. Н. МОСКВИНА

Дом на Малой Посадской улице, в котором мы жили. Ноябрь 1941 года

ще до сих пор осталось в памяти тревожное ожидание момента, когда же из репродуктора раздастся: «Отбой воздушной тревоги». После этого можно было вернуться домой. Перемещения в бомбоубежище и обратно иногда повторялись по несколько раз за ночь. Такие перемещения стали особенно трудными с начала декабря 1941 года. Бабушка совсем ослабела и с трудом ходила даже по квартире. Поэтому она отказалась от походов в бомбоубежище. Старший брат, которому было 12 лет, предпочитал во время тревог дежурить на чердаке нашего дома и гасить зажигательные бомбы. Я удив-

ляюсь, почему они вошли в историю, как «зажигалки». Подобное «ласкательное» название никак не подходит к этому страшному оружию, сыпавшемуся с неба десятками. И мне непонятно, как брат и его одногодки умудрялись гасить их.

Среди воспоминаний этого ужасного времени, тем не менее, есть одно приятное, которое приходит мне в голову, когда я оказываюсь в любом сельском доме с печным отоплением. Мне кажется, что я ощущаю живительное тепло «буржуйки», около которой мы коротали вечера. Топливом служили щепки, собранные днем на развалинах разбомбленного рядом дома, и ветки деревьев, обломанные взрывами бомб и снарядов в расположенном поблизости парке имени Ленина. Воспоминания о тепле буржуйки были настолько сильны, что даже после окончания войны мы много лет играли с соседскими мальчишка-

ми в собственные жилища — «будки», которые мы строили на пустыре за домом из сорванного с крыш кровельного железа, — и обязательно оснащали их самодельными печурками, сооруженными из любого подручного материала типа пустых железных бочек и кастрюль. Собравшись в наиболее просторной «будке», грелись у таких печурок, вспоминая блокадные дни.

Но это единственное светлое воспоминание тех дней. В декабре умерла бабушка, и когда ее переложили с кровати на расстеленную на полу простыню, чтобы завернуть и везти на кладбище, оказалось, что у нее под подушкой лежит горка сухарей из тех полагавшихся ей жалких 125-граммовых паек хлеба, которые она не съела, чтобы поддержать нас с братом. Дальше последовал мой самый страшный блокадный день. Наверное, после него я до сих пор плохо переносю

На руках у бабушки не страшна никакая блокада

В нашей семье не было ни фамильных драгоценностей, ни дорогих вещей для обмена на продукты.

Собственно эвакуация — это еще одна череда тяжелых воспоминаний, которые запечатлелись в моей памяти, как отдельные «стоп-кадры».

1. Я сижу в вагоне поезда, который везет нас от Финляндского вокзала до берега Ладожского озера. На какой-то из промежуточных станций я вижу в окно, что рядом с путями лежат штабеля, сложенные, как мне кажется, из черных просмоленных шпал. Но в этот момент я слышу разговор мамы с соседями по купе, что это трупы мальчишек из ремесленного училища, носивших черную униформу. И тогда я тоже начинаю видеть и осознавать, что это — не шпалы. Этот кадр запечатлелся в моей памяти на всю жизнь и с годами не стирается.

2. Мы вышли из вагона, ледяной ветер, какая-то женщина кричит: «Быстро на погрузку». Меня с одной стороны держит за руку мама, а с другой брат, и оба тянут к стоящей поблизости открытой полutorке. Не помню, как мы оказались в кузове, и она поехала.

3. Дорога через Ладогу. Я вижу, как вокруг плещется вода, только где-то вдали виден лед. Но чувства страха нет, по-видимому, я находился еще в том счастливом возрасте (мне было пять лет), когда это чувство еще отсутствует у человека.

Конечной точкой эвакуации оказался городок Советск в Кировской области.

одиночество. Мама с братом вынесли бабушку на улицу, погрузили ее на детские саночки и повезли на Серафимовское кладбище. Это мероприятие заняло у них целый день, а я вынужденно сидел в одиночестве, в холоде и голоде, вздрагивая от каждого шороха. Став уже взрослым человеком, я так и не могу понять, откуда у мамы и брата нашлись силы на переход до кладбища. Путь был не близкий. Необходимо было преодолеть Малую Посадскую улицу, практически весь Каменно-островский проспект, мосты через Большую и Малую Невки, а потом еще большую часть улицы Савушкина.

Но они смогли не только довести бабушку, но и найти могильщика, который в обмен на бабушкину продуктовую карточку согласился выкопать могилу и похоронить ее. При этом рядом были выкопаны братские могилы, куда привозили собранные в городе трупы. Но у нас осталась своя семейная реликвия — бабушкина могила.

Я верю, что в оставленных бабушкой сухарях была какая-то намоленная ею перед смертью чудодейственная сила. Иначе невозможно объяснить, как мы всей оставшейся семьей смогли дожить до апреля 1942 года и эвакуироваться по Ладоге.

ФОТО: ЛИЧНЫЙ АРХИВ Л. Н. МОСКВИНА

Маме предложили работать завучем детского дома, и она согласилась, а мы с братом влились в детдомовскую компанию, так как мама ничем не выделяла нас среди воспитанников детского дома. Большинство детей были эвакуированы из Ленинграда. Даже после блокады это время «сытым» не назовешь. Два воспоминания о «вкусной пище». В столовой нас угощают кашей — «заварухой». Тогда казалось, что ничего вкуснее не придумать. После войны в 47–48 годах уже в Ленинграде я прошу маму приготовить эту самую вкусную кашу-заваруху. Мама отговаривает, утверждая, что я ее есть не буду. Но меня не переубедить, мама варит заваруху. Выясняется, что это — приготовленный из ржаной муки клейстер, то есть мука, заваренная на кипятке. И только после пробы я прощаюсь с одной из иллюзий военных лет. Второе лакомство того времени — свежесоленная рыба. Весной, после разливов реки Пижмы, на которой стоит город Советск, остаются лужи, в которых иногда задерживается мелкая рыбешка. Чтобы ее поймать, необходимо босиком разрезать эти лужи до абсолютно непрозрачной мути и выплескивать эту муть ладошками на сухое место. Вода стекает, а на поверхности песка иногда остаются мелкие рыбешки. Если заранее в столовой у сердобольных поварих выпросить немного соли, дальше все просто: эти рыбешки прямо в ладошках натираются солью и отправляются в рот целиком. Что это действительно вкусно, я убедился в зрелом возрасте, когда мы с друзьями ловили сивого или хариусов и делали из них свежесоленную строганину. Но согласитесь, что эксперимент не совсем корректный.

Мама в это время писала письма во все инстанции,

чтобы узнать что-нибудь о судьбе отца. Получила единственный ответ, что он пропал без вести. Как только была снята блокада и появилась возможность вернуться в Ленинград, все наше семейство направилось в обратную дорогу с надеждой, что, может быть, в Ленинграде мы получим какие-нибудь сведения об отце. Мы вернулись в августе 1944 года. За время блокады и эвакуации мама из относительно молодой и здоровой сорокалетней женщины превратилась в инвалида первой группы, в качестве исключения ей разрешили работать преподавателем в школе рабочей молодежи, чтобы иметь возможность прокормить нас с братом. Но уже в 1947 году число «иждивенцев» у мамы убавилось. Брат окончил школу и поступил в Военно-топографическое училище, где ему удалось в какой-то мере найти применение своим незаурядным математическим способностям и одновременно перейти на государственное обеспечение. После моего поступления в Университет к маминой пенсии добавилась моя стипендия, а если учесть еще и финансовую помощь, которую иногда оказывал брат после окончания училища, я считаю, что по тем временам мы жили уже безбедно. При этом у мамы на всю ее недолгую оставшуюся послевоенную жизнь (она умерла в 1963 году) главным праздником стал День Победы. В этот день она вспоминала отца и мечтала о том, что ее дети проживут свою жизнь в мирное время.

К настоящему времени рядом с могилой бабушки появились могила моей мамы и могила с прахом старшего брата, который последние годы служил в Москве и умер там после выхода на пенсию. В похоронах на Серафимовском кладбище было реализова-

но его желание вернуться на малую родину. Каждую весну, приходя к дорогим мне могилам, я вспоминаю, кому я обязан своей жизнью. Для меня в поколение победителей входят не только солдаты, офицеры, генералы и маршалы, победившие в Сталинградском и Курском сражениях, снявшие блокаду Ленинграда, освободившие европейские страны и взявшие Берлин. В их число входят моя бабушка, которая умерла от голода, чтобы выжили мы с братом и стали достойными представителями послевоенного поколения; моя мама, которая не жалела себя и сделала все, чтобы примирить с постигшим их горем детей, ставших в результате войны сиротами, и подготовить их к послевоенной жизни; это мой старший брат и его сверстники, которые смогли взвалить на свои плечи недетские заботы военного времени, а после окончания войны вместе с уцелевшими представителями поколения их родителей совершили чудо возрождения нашей страны из пепла.

Заканчивая свои воспоминания о военном детстве, я поздравляю всех друзей, коллег, учеников и знакомых сограждан с 70-летием Всенародной Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. При этом необычный эпитет «Всенародной» несет в себе глубокий смысл. Это, с одной стороны, является напоминанием о многонациональности Советской Армии и работников тыла, создававших материальную базу для ее побед. Это напоминание очень уместно в наше время, когда многие начинают забывать об этом. С другой стороны, этот эпитет — дань памяти всем, кто — независимо от своего нахождения во время войны на фронте или в тылу — внес свой весомый вклад в эту Победу.

Группа военнослужащих, в центре
Ольга Ипполитовна СМЕРНОВА.
9 мая 1945 года

ФОТО: СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ О. И. СМЕРНОВОЙ

Разведчица Оля

Автор: **Сергей Васильевич РАЦ**, доцент СПбГУ (кафедра конфликтологии), к. п. н.

С Ольгой Ипполитовной Смирновой мы встречались неоднократно: и в ее скромной квартирке, и в музее «Гороховая, 2». Здесь нередко собираются наши общие друзья — бывшие и нынешние чекисты, а также любители и знатоки истории отечественных спецслужб. Мы вели с ней долгие душевные разговоры. Чувствовалось, что этой необыкновенной пожилой женщине хотелось выговориться. Судьба ее на самом деле сложилась не просто.

Я постараюсь передать этот рассказ так, как я его услышал из уст самой девяностолетней петербурженки, — бодрой и энергичной, не утратившей искренности, душевной открытости и

теплоты, а главное — огромной любви к миру и неподдельного интереса к жизни.

На Васильевском острове, где протекали школьные годы маленькой Оли, в соседнем доме проживала молодая женщина — немка по национальности. Она же была учительницей немецкого языка в школе, где училась Оля. Девочка была частой гостьей в доме учительницы. Видя явные склонности Оли к изучению чужого языка и культуры, ее любознательность и доброжелательный характер, опытный педагог легко передавала школьнице свои знания. К окончанию школы Оля говорила и писала по-немецки почти как этническая немка.

В июне 1941 года девушке исполнилось семнадцать лет. После объявления войны Ольга добровольцем

записалась в отдельный истребительный батальон НКВД, в котором прослужила медицинской сестрой до конца 1941 года. Батальон НКВД принимал самое активное участие в ожесточенных боях на знаменитой Невской Дубровке. Во время одного из воздушных налетов фашистской авиации Оля была тяжело ранена и в течение нескольких месяцев находилась в госпитале на излечении.

В стенах госпиталя она и познакомилась с сотрудником Управления НКВД по Ленинграду Алексеем Петровичем Гвоздарёвым. В то непростое для страны время капитан Александр Гвоздарёв занимался подбором и подготовкой юношей и девушек в диверсионно-разведывательные группы с целью дальнейшей заброски в тыл к противнику. Безусловно,

ставка делалась на физически развитых молодых людей, желательно владеющих немецким языком. В условиях замкнувшегося кольца блокады, тяжелейших людских потерь, острой нехватки кадров, жесточайшего военного противостояния, требовавшего мобилизации всех ресурсов, крайне остро стоял вопрос получения оперативной информации о дислокации воинских частей вермахта, совершения диверсий в его тылу.

Времени для тщательной подготовки разведывательно-диверсионных групп у сотрудников управления НКВД не было, а был лишь приказ: любой ценой получить требуемую информацию или уничтожить тот или иной объект.

Кажется невероятным, но на подготовку диверсионно-разведывательной группы из пяти — семи человек уходило тогда всего две, максимум три недели. За этот короткий срок членов группы обучали технике минирования, стрельбе из огнестрельного оружия, ориентированию на местности, обеспечивали документами. Радиостов готовили отдельно, но из-за нехватки аппаратуры радисты присутствовали не во всех отрядах.

Особенно тщательно отработывалась линия поведения разведчиков в случае столкновения с представителями секретных контрразведывательных и карательных служб фашистской Германии. Легенда прикрытия, согласно которой группа продвигалась по оккупированной территории, должна была быть убедительной и не вызывать ни тени сомнения. В противном случае разведчиков ждала неотвратимая и мучительная смерть. Такое, особенно в начальный период войны, случалось, увыв, довольно часто.

Ольгу готовили индивидуально. Она получила за-

дание собрать дополнительную информацию о частях, находящихся в ближайшем тылу, в районе Пулковских высот. Согласно легенде, отработанной ленинградскими чекистами, молодая «актриса» одного из районных клубов Ленинграда бежала из блокадного города в поисках работы и более-менее «сытой жизни» на оккупированных территориях. У нее в кармане полшубка лежал пропагандистский листок, который являлся пропуском для тех, кто хотел добровольно перейти на сторону врага. Листовки в обилии разбрасывались с самолетов противника. У разведчицы имелись, конечно, самые что ни на есть «подлинные» документы на вымышленную фамилию и имя.

Линию фронта Оля перешла в середине февраля по льду Невы и в течение первого дня благополучно прошла несколько постов. Но уже на второй день девушку злобно допрашивал придирчивый следователь гестапо. Ее держали в отдельной камере и избивали ежедневно в течение двух месяцев. Но девушка не назвала своего настоящего имени, не выдала истинной цели «визита» к оккупантам. Она до конца придерживалась в своих показаниях легенды, разработанной чекистами. Не получив доказательств, измученную, но не сломленную духом молодую разведчицу гестаповцы отправили на военные заводы в Германию.

Весной 1942 года Оля попадает в немецкий пересыльный лагерь Тильзита (ныне Советск Калининградской области). Там она предпринимает первую попытку побега, которая закончилась неудачей. В сопроводительных документах фашистской канцелярии девушка получает клеймо закоренелого врага Рейха, «склонного к побегу» и политически неблагонадежного.

С такой характеристикой она попадает на один из военных заводов, где вступает в контакт с группой антифашистов. Патриотка не оставляет мысли быть полезной своей стране в борьбе за независимость и свободу. Разведчица активно занималась пропагандой, саботажем, скрытым вредительством. Упорно боролась с теми, кто активно сотрудничал с фашистами, собирала информацию военного характера.

Естественно, первым для кадрового агента НКВД был вопрос о передаче в центр собранной информации. Она пыталась из числа обслуживающего персонала завода найти лиц, лояльных к Советскому Союзу. Для этого, пользуясь отличным знанием языка, Ольга вступила в контакт с одним из инженеров. Как выяснилось, убежденным антифашистом. Рискуя жизнью, он начал передавать ценную информацию, в которой так нуждалось сопротивление.

Кроме того, инженер тайно доставлял Ольге и ее друзьям продовольственные пайки и тем самым, несомненно, спас девушку от полного истощения и смерти. Немецкого патриота звали Хольт, ему было в то время около тридцати лет.

Однако в конце концов негибкая русская попала в поле зрения агентуры гестапо.

Ольгу Ипполитовну как активную антифашистку перевели в тюрьму, расположенную на Александрплац в Берлине, где содержали наиболее опасных противников фашистского режима. Технологии мастеров из гестапо по «вышибанию» показаний в тюрьме, куда попала Ольга, были доведены до совершенства. В этом каменном мешке человека «ломали», превращали в живой бифштекс, а затем, используя металлическую петлю, лишали жизни. Слабеющей

Ольга Ипполитовна СМЕРНОВА.
1947 год

рукой советская девушка, замученная садистами из гестапо, но несломленная, кусочком штукатурки нацарапала на стене камеры: «Умираю, но не сдаюсь! Ольга Смирнова из Ленинграда». В это трудно поверить, но в апреле 1945 года одноклассник Ольги, молодой сержант, ворвавшись в составе своего штурмового подразделения в здание тюрьмы, прочитал надпись, оставленную его школьным товарищем. Он же, вернувшись в Ленинград, сообщил друзьям, что Оля Смирнова героически погибла в фашистском застенке. Так Олю «похоронили» в очередной раз. Вероятно, история молодой советской патриотки действительно могла бы прерваться именно в этом мрачном заведении смерти, но помог случай. Во время одного из налетов англо-американской авиации тюрьма, где содержали Ольгу, была сильно разрушена. Под покровом темноты ввиду временного отсутствия охраны Ольга выскользнула на улицу Берлина. Именно тогда она, мысленно обратившись к высшим силам, поклялась сама себе: «Если останусь в живых, обязательно рожу троих детей!» Забегая вперед, заметим: в мирное время Ольга перевыполнила обещание — родила шестерых!

Беглянка не смогла далеко уйти. Ее задержал патруль, и после очередных пыток ее направили в нацистский женский лагерь Равенсбрюк, располагавшийся в 90 километрах к северу от Берлина. О судьбе Хольта она так больше ничего не узнала, считая его погибшим от рук гестаповцев.

На территории лагеря Ольга оказалась весной

ФОТО: СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ О. И. СМЕРНОВОЙ

1943 года. Группу женщин, в которой она находилась, построили на плацу, предвительно приказав раздеться догола. В таком виде их продержали несколько часов на морозе. Наиболее ослабленные женщины теряли сознание. Людей уносили на носилках, больше их никто не видел. Позже Ольга узнала, что выстрелом в затылок комендантская группа СС убивала в день от пятидесяти до шестидесяти узниц. Выживших женщин стригли наголо, выдавали полосатое платье и деревянные колодки, подвергали обязательному медицинскому осмотру на специальных креслах. «Нацистские врачи, подвергая нас осмотру, вели себя как гнусные животные, не считая нас за людей», — рассказывала Ольга Ипполи-

товна, и в ее глазах, обычно излучавших детскую жизнерадостность, я прочитал жгучую ненависть к убийцам, растоптавшим человеческое достоинство сотен тысяч узниц разных национальностей Европы.

Каждой заключенной присваивался номер и, в зависимости от категории, выдавался треугольный знак определенного цвета, который нашивался на левый рукав. Ольге выдали знак алого цвета с буквами SU и присвоили порядковый номер 14775. Красный знак указывал на то, что владелица — опасная политическая заключенная.

Самым изнурительным моментом в распорядке дня был подъем, который проходил в 4 часа утра и сопровождался перекличкой,

длившейся более двух часов. Дважды в месяц надзирательницы в сопровождении охранников с овчарками выбирали из числа узниц лиц, которые подлежали ликвидации. В первую очередь ликвидировали тех, кто был не способен к работе или был полностью истощен. Даже самые стойкие ждали этого часа с содроганием, так как никто не был застрахован от капризов надзирательниц. Как правило, это были молодые немки, фанатично преданные идеям национал-социализма, холёные, с аккуратными причёсками, спортивными фигурами — и с ярко выраженными садистскими наклонностями.

Мгновенная смерть от выстрела в затылок считалась среди узниц за благо. Но широко применялись более изощренные, особо мучительные формы уничтожения. Например, газовая камера, куда (якобы для санитарной обработки) загоняли от ста до ста пятидесяти человек. Здесь в течение невыносимо долгих десяти-пятнадцати минут продолжалась агония жертв. Не «лучшим» средством были инъекции яда, иными словами, преступные опыты над людьми, которые проводили врачи СС — утонченные изуверы в белых халатах.

Большинство заключенных старалось попасть в дневную смену: во-первых, при четырнадцатичасовом рабочем дне узницам предоставляли получасовой перерыв. Во время обеда им давали пол-литра теплой воды с брюквой или с картофельными очистками. В ночную смену работали без перерыва. Десятки узниц не возвращались в бараки. Тех женщин, кто не мог двигаться и выполнять работу, охранники пристреливали на месте.

Вечерняя проверка длилась так же, как и утренняя,

больше двух часов. После ее окончания каждой узнице выдавали двести грамм хлеба и полстакана холодного кофе. Только молодые и от природы очень сильные могли выжить в этом злом аду, созданном сумрачным извращенным фантомом национал-социализма.

Горы пепла, образовавшиеся после уничтожения трупов в крематории, сбрасывали в живописное озеро Шведтзее, находящееся в сотнях метров от территории лагеря. Воды этого озера поглотили прах несметного числа жертв — представительниц более сорока стран. Озеро стало своеобразной купелью памяти жертв фашизма.

От Ольги Ипполитовны я слышал легенду, что, стоя на берегу в майские дни, в последних лучах уходящего солнца можно увидеть сияние радуги и услышать легкий звон. Она утверждала: это тысячи душ замученных девушек и женщин стонут о своей несостоявшейся любви, призывая ныне живущих к миру и состраданию. «Это нужно только суметь услышать», — уверяла, понизив голос, Ольга Ипполитовна.

В конце 1944 года Ольгу в составе группы узниц Равенсбрюка направили в Берлин для работы на секретном заводе. Там благодаря своему уникальному природному обаянию она познакомилась с другим здравомыслящим немцем — майором вермахта Клаусом. Убедившись в его скрытых симпатиях к России, подпольщица рискнула пойти на вербовочную акцию. Улучив момент, она сообщила, что состоит в группе подпольщиков — антифашистов, которые готовят восстание в лагере. Разведчица убедила майора, что война Третьего рейха проиграна и дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Во время одной из встреч Клаус доложил де-

вушке, что его отправляют на Восточный фронт — в район Ленинграда. В ответ Ольга предложила майору не рисковать жизнью, а при первой возможности сдать в плен. Разведчица вручила ему ценную оперативную информацию и медное кольцо со своими инициалами. Информация предназначалась для сотрудника НКВД Гвоздарёва, а кольцо она просила передать своему отцу Ипполиту Артамоновичу. «Ты скажи папе, что со мной все в порядке, и я обязательно вернусь», — прошептала Ольга на прощанье.

Клаус действительно при первой возможности перешел на сторону советских войск, был тщательно допрошен сотрудниками Смерша и привлечен к сотрудничеству. Он добросовестно работал переводчиком, а после окончания войны вернулся в Восточную Германию, где принял активное участие в строительстве нового государства — ГДР.

Информация, переданная Ольгой, попала в Управление НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. Чекисты разыскали отца Оли Ипполита Артамоновича, вручили ему кольцо и сообщили главное: Ольга жива. Так кольцо из Равенсбрюка попало в Ленинград, а в семье Смирновых появились не только надежда, но и драгоценная реликвия, символизирующая несгибаемый характер дочери.

Оценивая профессиональные действия Ольги во вражеском тылу, можно уверенно констатировать: она действовала как зрелый оперативный работник. Находясь в экстремальной ситуации, не сдавалась, не запаниковала. Сумела досконально изучить вражеское окружение и отыскать в нем брешь. А затем, используя полученные разведывательные навыки, привлекла к сотрудничеству не кого-нибудь, а старшего

Ольга Ипполитовна СМИРНОВА
в день своего девяностолетия

офицера вермахта. В итоге сделала из него надежного связного, склонила к переходу на сторону советских войск и передала через своего агента важную информацию в центр.

Весной 1945 года руководителями СС было принято решение о ликвидации заключенных в лагерях смерти. Колонну изможденных женщин Равенсбрюка направили на уничтожение. Во время марша район, где проходила колонна узников, подвергся налету авиации союзников. Часть охраны была перебита, и это дало шанс десятку женщин вновь обрести свободу — пусть даже на час! Под видом беженки, утратившей во время пожара документы, разведчица продвигалась на Восток — навстречу наступавшему валу Советской Армии.

Линию фронта Ольга перешла в составе... отделения солдат вермахта, предварительно склонив их утратившего всяческую браваду командира к сдаче в плен русским — головному дозору советской танковой бригады. Именно в составе этого подразделения Ольга закончила войну в качестве переводчика. И до 1947 года находилась в Германии, работая в составе группы советских войск.

Во время боев за Берлин была снова дважды ранена. Вернувшись на Родину, разведчица активно включилась в мирную жизнь, ведь ей тогда исполнилось — всего-навсего! — 24 года.

В конце пятидесятых, во время традиционной встречи ветеранов НКВД-МГБ в клубе имени Феликса Дзержинского 20 декабря, Оля встретила седого подтянутого офицера. Она узнала его сразу: это был Алексей

ФОТО: СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ О. И. СМИРНОВОЙ

Петрович Гвоздарёв. В тот вечер они проговорили допоздна, да и было о чем. Рассказывала главным образом Ольга, а много испытывавший мужчина, не скрывая скупые слезы, только слушал и чуть кивал, вновь и вновь сопереживая ее удивительной и страшной судьбе.

Позднее Ольга Ипполитовна вела переписку с женами Юлиса Фучика, Эрнста Тельмана, Гельмута Коля. Как бывшая узница Равенсбрюка многократно выезжала в Германию на встречи, посвященные памяти жертв фашизма. Она часто в задумчивости стояла на берегу того самого озера Шведтзее подле лагеря смерти, и ей казалось, что она вновь слышит печальные голоса душ замученных женщин, чей прах растворился в прозрачных водах.

Последний раз мы виделись с Ольгой Ипполитовной летом 2014 года, на юбилее ее сына и моего друга Андрея Смирнова, бывшего сотрудника и ветерана группы нелегального спецназа КГБ СССР. Заслуженная бабушка торжественно сидела во главе стола в окружении детей, внуков, правнуков. Это была счастливая жен-

щина с особенными, всегда ярко и тепло сияющими глазами. Она пела русские и цыганские романсы и танцевала так, что многим было завидно.

Ровно через месяц, когда ей исполнился 91 год, нашей всеобщей любимицы не стало... Похоронили Ольгу Ипполитовну за деревней Колтуши, которую она считала своей малой родиной, среди звенящих берез на высоком холме. Сейчас это удивительно тихое место, крохотная часть русской земли, которую так любила, которую с такой отвагой, страстью и самоотверженностью защищала от лютого врага совсем еще девочка, юная ленинградка, комсомолка и патриотка Оля.

Родина высоко оценила заслуги своей верной дочери. Ольга Ипполитовна была награждена двумя орденами Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За оборону Ленинграда», «Мать-героиня» двух степеней.

Прощаясь с Ольгой Ипполитовной под перезвон ее любимых берез, мы склонили головы перед светлым образом матери, великой гражданки, заступницы России!

<http://pobeda.spbu.ru/>

На портале СПбГУ запущен сайт
«70 лет Великой Победе»

<http://pobeda.spbu.ru/>

Здесь опубликован список универсантов-фронтовиков — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, размещены воспоминания ветеранов и статьи о них, новости о событиях, проходящих в Университете в связи с празднованием 70-летия Победы, один из разделов посвящен работе поискового отряда «Ингрия». Также на сайте можно посмотреть карту мемориальных объектов СПбГУ, расположенных на Васильевском острове и в Петергофе.

НИС ТУТА PERENNAT

Юрий Воронов,
выпускник ЛГУ 1952 года

Опять война,
Опять блокада...
А может, нам о них забыть?

Я слышу иногда:
«Не надо,
Не надо раны беречь.
Ведь это правда, что устали
Мы от рассказов о войне
И о блокаде пролистали
Стихов достаточно вполне».

И может показаться:
Правы
И убедительны слова.
Но даже если это правда,
Такая правда —
Не права!

Чтоб снова
На земной планете
Не повторилось той зимы,
Нам нужно,
Чтобы наши дети
Об этом помнили,
Как мы!

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война:
Ведь эта память — наша совесть.
Она,
Как сила, нам нужна...

